

М.А. Родионов. *Культурная память и мерная речь на юге Аравии: Хадрамаут.* СПб.: МАЭ РАН, 2014. 154 с., ил.

В рецензии рассматривается монография петербургского востоковеда Михаила Родионова, посвятившего полвека этнографии арабских стран, в том числе около тридцати лет — Йемену и поэзии на местных диалектах. Объясняется значимость книги для арабистики и для методологии изучения культурной памяти. Определяется ее место среди других работ автора и среди современных трудов по поэзии арабских племен.

Ключевые слова: племенная поэзия, Йемен, арабская культура.

Speak, Cultural Memory

I

24 апреля 1986 года. Аден встречает воронку от снарядов и выбоинами от пуль.

Как и одна из предшествующих монографий «Демоны слов на краю Аравии: Общество и стихотворство Хадрамаута» [Родионов 2009], новая книга петербургского арабиста-этнографа М.А. Родионова о Хадрамауте открывается воспоминанием о первых годах Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Новейшая история неустанно вносила в городские пейзажи Йемена элементы батальных сцен, и отзвуки войны вполне ожидаемы в заметках о Южной Аравии, однако в дневниках исследователя они скорее случайны. Среди воспоминаний, которым было суждено превратиться в детали, оживляющие научные тексты, нет военных картин. В переживающем нескончаемые вооруженные конфликты Йемене это весьма ярко характеризует не только взгляд этнографа на «поле», но и само «поле».

Если предсказуемость упоминаний войны в воспоминаниях о стране, безусловно, свидетельствует об особенностях ее новейшей истории, их случайность на фоне общих

Максим Игоревич Василенко

Университет имени Бен-Гуриона
в Негеве,
Безр-Шева, Израиль
ms.yosefi@gmail.com

впечатлений говорит о силе гуманитарных основ южно-арабийской культуры. До самых последних лет казалось, что исторические перипетии над ними не властны. Иные могли бы заметить, что череда вооруженных столкновений, обрушившихся на Йемен в минувшие десятилетия, и не должна была существенно повлиять на традиционную культуру, ибо та формировалась в условиях вечных межплеменных стычек. Об этом здесь напоминают дома-крепости, воинственные стихи, развившиеся из боевых кличей, и огнестрельное оружие, остающееся на руках у рядовых племенников вопреки любым предписаниям властей. И все же стойкость гуманитарных норм перед войнами должна объясняться не столько обстоятельствами, формирующими культуру, сколько неким гуманитарным инстинктом, не изменяющим людям даже в самых жестоких условиях.

Помимо прочего, этот инстинкт проявляется в творческой энергии и «ненаследственной памяти коллектива», как определял культуру Ю.М. Лотман [Лотман, Успенский 1993: 328]. Высшая форма словесности, поэзия, — наиболее яркое проявление этого инстинкта, и посвященные ей исследования представляются особенно актуальными там, где культура переживает воздействие бесчеловечных обстоятельств. Вот почему сегодня, когда взрывы и выстрелы гремят над Аденом с такой силой, что военные сводки из Йемена порой опережают прочие мировые новости, книга о культурной памяти и мерной речи на юге Аравии — действительно важное событие.

II

По словам автора, рецензируемая монография продолжает вышеупомянутую работу «Демоны слов на краю Аравии» (С. 6). В этой связи логично оценивать рецензируемую книгу в сопоставлении с предшествующей.

Для обозначения словесного искусства как изучаемого объекта в обоих случаях подобраны термины, уточняющие предмет исследования. В более раннем труде это термин «стихотворство». В контексте этнографии арабских племен под ним следует понимать не столько мастерство стихосложения или процесс сочинительства, сколько общественно значимый акт, набор важных функций и социально активное поведение человека, наделенного ими. В таком значении термин действительно удачен для соотнесения поэтического искусства с обществом. Соответственно, работа 2009 г., имеющая подзаголовки «Общество и стихотворство Хадрамаута», посвящена социально-политическому аспекту бытования устной поэзии: ее влиянию на власть, ее значимости как фактора власти, ее роли в конф-

ликтах между племенами, во взаимоотношениях между стратами и между полами.

В рецензируемой монографии словесное искусство обозначено не менее оригинальным термином «мерная речь». На сей раз в поле зрения автора — набор клише, обладающих размером и рифмой и произносимых вслух. Таким образом, предмет данного исследования уже, чем в первой работе. Исследуются не функции звучащего мерного слова в каких-либо контекстах, а в первую очередь его роль в создании (а также поддержании, воспроизведении и видоизменении) культурной памяти. Иными словами, работа призвана показать, каким образом коллективный опыт этнической группы артикулируется с помощью мерной речи. Анализируется действующая в сознании большинства представителей племенного общества Южной Аравии связь между образцами устно-письменного творчества и теми или иными историко-культурными реалиями.

Методология изучения этой связи построена на идее Яна Ассмана [Ассман 2004] о культурной памяти, формирующей и репродуцирующей из поколения в поколение идентичность группы. Ассман исходил из того, что процесс формирования и воспроизведения идентичности за счет культурной памяти осуществляется посредством постоянной циркуляции культурных смыслов и обмена ими, иначе говоря — посредством коммуникации, в первую очередь речевой. Учитывая особую функциональность и высокий статус поэзии в племенном обществе Аравии, вопрос о том, как идентичность формируется здесь за счет обмена смыслами в форме именно мерной речи, действительно требовал специального исследования.

III

Осмысление понятия «культурная память» на арабском материале — вполне закономерный этап в научном творчестве М.А. Родионова. В 1970-е гг., изучая культуру ливанских маронитов, он рассмотрел на их примере понятие этноконфессиональной группы [Родионов 1972; 1973; 1974а; 1974б; 1975]. В 1980-е гг. начал изыскания на юге Йемена, где декларировавший прогрессивные лозунги социалистический режим Адена, кажется, лишь способствовал консервации аравийской архаики, какую уже невозможно было встретить где-либо еще на Ближнем Востоке. Глазам исследователя предстали доисламские ритуалы, такие как охота на ибекса (как традиционно называют нубийского горного козла *Capra nubiana*) [Rodionov 1994]. Его слуху открылась поэзия на разговорном языке, подчиняющаяся доисламским канонам как с формальной, так и с функциональной точки зрения. Как и полторы тысячи лет

назад, владение мерной речью придавало стихотворцу силу убеждения, позволяющую развязывать конфликты и примирять враждующие стороны, создавать и сокрушать репутации [Родионов 1983; 1987; 1994: 137–181, 189–200; 1995 и др.].

Сохранившиеся в Йемене элементы арабской архаики и поэзия, остающаяся средоточием доисламских ценностей и морально-этических принципов, вдохновили ученого на исследование местной системы символического поведения. В традиционной культуре Аравии она сочетает доисламские нормы, определяющие поведение человека как мужчины и как племенника, с нормами ислама. М.А. Родионов пытался проанализировать непредсказуемость того, каким именно комплексом норм в той или иной ситуации руководствуются носители культуры [Родионов 1988].

Кроме того, именно потому, что изучалась поэзия на разговорном языке, важным методом работы М.А. Родионова стала этнография текста. В основе этого метода лежит идея о том, что устные и письменные тексты ценны не только своим буквальным содержанием, но и потенциальной информативностью — тем, что можно узнать, выясняя в беседах с носителями культуры контекст, уточняя неясные моменты, обсуждая с ними сказанное (написанное) в целом и в деталях. Потенциальная информативность стихотворных текстов из Аравии особенно высока¹, что было продемонстрировано исследователем в недавних работах о поэзии [Rodionov 2007: 166–200; Родионов 2009]. Пример этнографии письменного текста (информативность письменного сообщения проявляется в сочетании с устным сообщением) — его англоязычный труд, посвященный архивным юридическим документам [Rodionov, Schönig 2011].

В работах о мерной речи серьезное внимание уделялось соотношению устного и письменного. Ученый последовательно доказывал, что применительно к аравийской культуре корректно говорить не о двух отдельных традициях (устной и письменной), а о двух составляющих устно-письменного конти-

---

¹ В стихах на разговорном арабском языке каждая строка — лаконичная форма, содержащая самостоятельную мысль. Зачастую лаконичность обеспечивается за счет того, что слушатели должны вычитать в сказанном больше слов, чем произносится вслух. Кроме того, понимание каждой строки-мысли требует полного владения местным культурным и историческим контекстом. Как и в доисламской поэзии, объяснение каждой детали — отдельный рассказ, который может оказаться куда увлекательнее и этнографически информативнее всего поэтического текста. Этнографическое изучение арабской поэзии, во-первых, позволяет взглянуть под другим углом на зримые предметы (например, увидев их символическую роль в дополнение к практической функции). Во-вторых, оно предлагает исследователю обратить внимание на зримые вещи, которые он не заметил бы самостоятельно вне пространства стихов. В-третьих, оно помогает ему увидеть незримое, но существующее в сознании носителей культуры, о чем бы он никогда не спросил, если бы не узнал об этом из поэтических текстов.

нуума, находящихся во взаимодополнительных отношениях [Родионов 2009: 44–47] (также см. рецензируемую книгу, с. 15). На наш взгляд, эту мысль подтверждает работа Флэга Миллера [Miller 2007], посвященная тому, как устная по происхождению поэтическая форма арабской *касыды*, тяготевшая к письменности в XX в., к началу XXI в. возвратилась к устности (благодаря использованию для передачи текстов аудиокассет).

Итак, все обозначенные выше этапы творческого пути автора связаны с изучением культурной памяти. Племена Хадрамаута — особая группа, осознающая себя общностью через коллективный опыт, артикулированный в значительной степени именно мерной речью, как устной, так и письменной. К культурной памяти (в том числе доисламской) относится и общая система символического поведения, объединяющая племена благодаря моральным ценностям, сосредоточенным в поэзии, и этическим нормам, декларируемым в стихах.

IV

В последние тридцать лет, в течение которых автор изучал этнографию Хадрамаута, в исследовании арабской поэзии на разговорном языке сформировалось два направления. Первому, более раннему, были свойственны некий пессимизм, связанный с ослаблением роли мерной речи в жизни племен, и соответственно — стремление зафиксировать традицию в как можно более первозданном виде. В середине 80-х гг. прошлого века саудовский филолог Саад Соуайан утверждал, что еще менее поколения назад (в 1960-е гг.) племенная поэзия Центральной Аравии производила впечатление устойчивой, динамичной традиции, но социально-экономические перемены, произошедшие с тех пор, подорвали ее жизнеспособность [Sowayan 1985: 2]. Примерно в то же время и похожим образом оценил состояние устной традиции в пустынях Синай и Негев израильский исследователь Клинтон Бейли [Bailey 1991: 428; Bailey, Vanai 1993: 26]. Оба ученых подчеркивали, что молодое поколение не понимает поэтический язык и образы, не способно оценить стиль. Двухтысячелетний быт, традиционные занятия и нормы поведения — все то, что придавало племенной поэзии жизненную силу и делало ее эффективным орудием социальной презентации, — постепенно утрачивалось. Пропадали контексты, в которых стихи были необходимы благодаря своей уникальной функциональности. Соответственно, терялись поэтические формы. Соуайан и Бейли наблюдали последних поэтов уходящей эпохи и общались с теми, кто помнил созданное предыдущими поколениями. Их работы — попытка сохранить для науки исчезающий мир племенной поэзии и объяснить

ее традиционные элементы, восходящие к доисламскому периоду.

В представлении исследователей другого направления поэтическая традиция Аравии обнаруживает куда большую живучесть. В отличие от названных авторов, они не ставили задачу зафиксировать традиционное до того, как оно исчезнет. Наоборот, их интересовало свойство племенной поэзии приспосабливаться к новому быту и меняющейся картине мира. К примеру, Марсель Курперсхук приводил примеры поэм, где ставшие популярными у бедуинов джипы и пикапы описывались вместо верблюдов [Kurperschoek 1994: 110–114]. Традиционность при этом сохранялась в каноническом обыгрывании скорости, выносливости и управляемости — в своего рода обязательной программе, которую должен выполнить каждый арабский поэт, слагая стихи о верховых животных. Другой пример — современные политические стихи. Комментируя преподносимую телевидением картину мира, поэты делают западных лидеров мишенями традиционного осмеяния [Суворов 2003; Holes, Abu-Athera 2009]. Третий пример — распространение технологий звукозаписи, облегчивших обмен устными текстами и уменьшивших их вариативность [Miller 2007].

Исследователи поэтического мастерства йеменских племен оказались в выигрышном положении благодаря сохранности архаики на юге Аравии. Изыскания, проведенные в 1980-е, 1990-е и даже 2000-е гг., продемонстрировали, что здесь живы традиционные контексты, в которых стихи по-прежнему функциональны. Стивен Кейтон [Caton 1990] начал изучать поэзию в Северном Йемене примерно тогда же, когда М.А. Родионов начал полевые исследования в Южном Йемене (до 1990 г. это были разные государства). Независимо друг от друга исследователи пришли к ряду общих выводов, важнейший из которых состоит в том, что традиционная власть в изучаемом ареале основана прежде всего на «духовной силе», которая, особенно при посредничестве в деле разрешения конфликтов, обычно прибегает к убеждению. В этой ситуации исключительно значимы роль поэта и функция поэтического слова. Из работ обоих ученых следует, что до самого недавнего времени поэт на юге Аравии оставался катализатором общественных процессов, хранителем локальной культурной памяти и ее голосом. В английском издании труда по этнографии Западного Хадрамаута М.А. Родионов признает, что традиционная южно-аравийская культура исчезает и это делает необходимой работу над историко-этнографическим атласом Хадрамаута [Rodionov 2007: 202]. Тем не менее в работах, посвященных непосредственно племенной поэзии Йемена, нет тревоги за ее скорое исчезновение, но зато демонстрируется ее свойство приспо-

сабливаться к меняющимся реалиям. Рецензируемая монография, безусловно, принадлежит ко второму из обозначенных выше направлений, поскольку доказывает, что мерная речь — это механизм, фиксирующий культурную память в новейшее время не менее надежно, чем это было в древности.

V

Книга 2009 г. помимо многочисленных стихотворных цитат в основных главах содержит отдельный корпус поэтических текстов (дословные переводы, комментарии и транскрипцию), собранных в Хадрамауте самим автором [Родионов 2009: 92–133]. В рецензируемой работе исследователь не публикует стихи отдельно от остального материала, по-видимому, в силу того, что объект исследования — именно взаимодействие мерной речи и культурной памяти, а не те или иные социальные функции поэзии. Основные поэтические формы, которыми оперирует ученый в предлагаемой книге, — *замил* (речевка) и *касыда* (относительно длинное стихотворение, как правило, состоящее из традиционных функциональных частей). Цитируя немало *замилей*, он практически не цитирует *касыд*, но, упоминая их, ссылается на свои предыдущие работы. Читатель, не имеющий под рукой предыдущих монографий автора, при знакомстве с рецензируемой книгой может почувствовать нехватку стихотворного материала.

В книге «Демоны слов» рассматривались социальные роли поэтической традиции, и потому она требовала довольно широких историографических экскурсов. В рецензируемой монографии автор заранее ограничил подобные экскурсы замечанием И.Ю. Крачковского о том, что арабскую поэзию плодотворнее изучать ради нее самой, а не как служанку истории или филологии (С. 6). Оспаривая это утверждение, обратим внимание на то, что именно для этнографии текста шейх российской арабистики делал исключение. Замечая, что древнеарабская поэзия с фотографической точностью отображает все стороны жизни племени, он констатировал, что насколько разноречивы мнения об ее эстетическом значении, «настолько единогласно она признается важнейшим и авторитетным источником для характеристики арабского народа и его быта в эту эпоху» [Крачковский 1956: 239]. Бесспорно, в рецензируемой работе поэзия изучается ради нее самой (как механизм фиксации, озвучивания и преобразования культурной памяти), а не рассматривается как набор иллюстраций, дополняющих историко-культурологический обзор. Тем не менее этнографические экскурсы неизбежны, поскольку стихотворчество — это социальная практика, а культурная память — опыт

этнической группы, который нельзя обойти стороной, говоря об артикулирующей его поэзии. Не удивительно, что полностью уйти от историографических экскурсов исследователю в итоге не удалось. Поскольку работа, хоть и будучи продолжением предыдущей книги, вышла в качестве самостоятельной монографии, автору неизбежно пришлось посвятить две первые главы культурной характеристике Южной Аравии и ее племенного общества, а также историческому обзору, ориентированному на местную культурную память.

Несколько конспективный характер изложения может быть трактован как недостаток. Подобный стиль облегчает восприятие идей автора, но, с другой стороны, именно вследствие конспективности некоторые моменты остаются неясными. Так, в объяснении параллелей между шествиями хадрабийских охотников после удачной охоты на ибекса и процессиями древнегреческих сатиров в честь Диониса (трагедиями) упоминается демиург, возглавляющий хор и исполняющий дифирамбы. В частности, сказано, что «[д]ифирамбы, которые пел хор, возглавляемый демиургом, функционально мало чем отличаются от *замилей*, в которых охотники под предводительством распорядителя-*мукаддама* хвалят себя» (С. 78). Здесь неясно употребление термина «демиург», тем более что хором в античной драме руководил корифей. Лишь сноска в материале, опубликованном автором в 2015 г. по итогам Радловских чтений в Кунсткамере, со ссылкой на упомянутую страницу монографии, проясняет употребление термина: «Глава ритуальной процессии охотников, возвращающихся после удачной охоты на каменного козла, не только аналог корифея хора в античной драме, но и *демиург* <...> в доплатоновском смысле этого слова — работающий для народа» [Родионов 2015: 57, сн. 1]. Иными словами, корифей из хаоса мерной речи творил (мировую) гармонию, творил представление для театрального зрителя, т.е. был и демиургом в строгом смысле этого слова¹.

На наш взгляд, конспективность сказалась и на рассмотрении проблемы авторской идентичности (С. 84–88). Исследователь замечает, что речевки-*замилы*, выражающие мнение родовой группы и предназначенные для коллективного воспроизведения, как правило, хоть и сочиняются одним человеком, не остаются в коллективной памяти как авторские стихи,

---

¹ «Демиург (др.-греч. *δημιουργός*, букв. 'изготавливающий вещи для народа', отсюда — ремесленник, мастер, от *δήμος* народ и *εργον* работа) — термин др.-греч. философии для обозначения "творца" ("мастера"), введенный в философский лексикон Платоном в "Тимее"» [Философский энциклопедический словарь 1983: 144]. В трактате под словом «демиург» понимается «творец и отец этой Вселенной». Позднее, в космологических системах гностиков, творец-демиург — подчиненный верховному божеству бог-посредник [Там же].

но бытуют как фольклорные тексты без конкретного автора, подобно боевым кличам и поговоркам. С другой стороны, в пословицы обращаются особенно удачные строки авторских поэм. Наконец, знаменитым поэтам приписывают чужие стихи. При всей справедливости сказанного, подход к вопросу мог бы быть более систематизированным.

В.Я. Пропп указывал, что индивидуально никем не созданный фольклор и явно индивидуальные произведения, обращающиеся как фольклор, — два крайних случая, между которыми возможны переходные формы [Пропп 1976: 25]. Боевые кличи и поговорки соответствуют фольклору без конкретного автора. Приписываемые знаменитым поэтам чужие стихи соответствуют другому крайнему случаю. Что касается переходных форм, в поэтической системе Аравии их по меньшей мере три. Их общая черта — коллективное творчество, основанное на творении авторском. В первом случае (к нему можно было бы отнести обращенные в пословицы поэтические строки) речь идет о фольклорных произведениях, родившихся из слов забытого автора, причем авторство несущественно именно в силу фольклорного бытования строк. Во втором случае (к нему относятся *замилы*) индивидуальные произведения изначально воспринимаются как коллективные, поскольку сочинитель лишь удачно формулирует позицию, вырабатываемую и озвучиваемую коллективно. Третий случай — поэтические игры, суть которых — импровизация. Краткие, как правило в одну строку, высказывания участников индивидуальны, однако темы сменяются в порядке, установленном ритуалом, и в итоге игры получается коллективное произведение, фрагменты которого могут храниться в культурной памяти.

VI

Основные главы работы представляют читателю опыт изучения свойств культурной памяти, демонстрируя на арабском материале, как она формируется посредством мерной речи. Показано, как культурная память манипулирует временем и обрабатывает реальность, как смешивает персонажей и пространства. Кроме того, объяснено, к каким понятиям апеллирует мерная речь, озвучивая культурную память, и какими формами она для этого пользуется. Наконец, исследуется роль культурной памяти и мерной речи в формировании представлений о Хадрамауте как общности (т.е. в формировании хадрабийского самосознания). Демонстрируя свойства культурной памяти на арабском материале, автор не приводит параллельные примеры из других культур. Тем не менее книга будет полезна не только арабистам, но и тем, кто возьмется изучать

общие механизмы воспроизводства культурной памяти на каких-либо иных примерах.

В свете нынешней ситуации в Йемене труды, подобные представленному, куда более актуальны, чем книги, которые появятся по горячим следам текущих трагических событий так же спешно, как выходили в период «арабской весны». Последние утратят ценность через год, в течение которого ситуация непредсказуемо изменится, прогнозы не оправдаются, выводы окажутся неверны, а масштаб недавних событий измельчает перед лавиной очередных новостей. В противоположность этим работам, исследования по традиционной культуре, появляющиеся вопреки «актуальному» развитию арабского мира без оглядки на текущие события, приобретут еще большую ценность. Что до текущих событий, со временем и они обратятся в культурную память хадрабийских племен, представ перед исследователями в форме мерной речи.

Библиография

- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia historica). 368 с.
- Крачковский И.Ю.* Аш-Шанфара. Песнь пустыни // Крачковский И.Ю. Избр. соч.: В 6 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 2. С. 238–245.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1993. Т. 3: Статьи по истории русской культуры. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 326–344.
- Пропп В.Я.* Специфика фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 16–45.
- Родионов М.А.* Место маронитов в современном ливанском обществе // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1972. С. 47–48.
- Родионов М.А.* Из истории формирования этноконфессиональной структуры населения Ливана // Советская этнография. 1973. № 4. С. 25–37.
- Родионов М.А.* Эволюция общинного самосознания маронитов Ливана // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972–1973. Л.: Наука, 1974а. С. 74–76.
- Родионов М.А.* Ортокузенный брак у маронитов // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972–1973. Л.: Наука, 1974б. С. 147–149.
- Родионов М.А.* Марониты в ливанском обществе // Расы и народы. 1975. № 5. С. 289–301.

- Родионов М.А.* Поэтическое слово в традиционной культуре Хадрамаута // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти академика И.Ю. Крачковского: Тез. докл. М.: Наука, 1983. С. 47–48.
- Родионов М.А.* Поэтическое слово: материалы из Западного Хадрамаута // Проблемы арабской культуры: Памяти академика И.Ю. Крачковского / Под ред. А.Г. Беловой, А.А. Долининой, Р.Г. Ланды, С.М. Прозорова, И.М. Смилянкой, А.Б. Халидова. М.: Наука, 1987. С. 82–96.
- Родионов М.А.* Мурувва, асабийа, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // Этикет у народов Передней Азии: Сб. ст. / Отв. ред. А.К. Байбурун, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 60–68.
- Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в этнической культуре. М.: Восточная литература, 1994. 234 с.
- Родионов М.А.* Поэт в системе властных отношений: полевой материал из Хадрамаута (Йемен) // Этнические аспекты власти: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Бочаров. СПб.: Языковой центр филол. ф-та СПбГУ, 1995. С. 123–137.
- Родионов М.А.* Демоны слов на краю Аравии: Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб.: Наука, 2009. (Kunstkamera Petropolitana). 146 с.
- Родионов М.А.* Основы аравийского универсума // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 53–57.
- Суворов М.Н.* Аль-‘Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи (Йемен). СПб.: Фонд восточных культур, 2003. 243 с.
- Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
- Bailey C.* Bedouin Poetry from Sinai and the Negev: Mirror of a Culture. Oxford: Oxford University Press, 1991. 496 p.
- Bailey C., Banai P.-D.* Qesem Nāqōt [The Magic of Camel-Mares]. Tel-Aviv: Ha-Kibbutz ha-Meukhad, 1993. 130 p.
- Caton S.* “Peaks of Yemen I Summon”: Poetry as Cultural Practice in a North Yemeni Tribe. Berkley; Los-Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. 355 p.
- Holes C., Abu-Athera S.S.* Ya Kundalizza Rays!: Politics and Poetry in Contemporary Bedouin Society. L.: Ithaca Press, 2009. 351 p.
- Kurpershoek M.P.* Oral Poetry and Narratives from Central Arabia. Leiden: Brill, 1994. Vol. 1: Poetry of ad-Dindān: A Bedouin Bard in Southern Najd. 368 p.
- Miller F.* The Moral Resonance of Arab Media: Audio-cassette Poetry and Culture in Yemen. Cambridge, MA: Harvard University Center for Middle Eastern Studies, 2007. (Harvard Middle Eastern Monographs. Vol. 38). 512 p.
- Rodionov M.* The Ibex Hunt Ceremony in Hadramawt Today // New Arabian Studies / Ed. by R.L. Bidwell, G. Rex Smith, J.R. Smart. L.: University of Exeter Press, 1994. Vol. 2. P. 123–129.

- Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic field research, 1983–91. Halle (Saale): Orientwissenschaftliches Zentrum, 2007. (Orientwissenschaftliches Hefte. Orientwissenschaftliches Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Hft. 24). 307 p.
- Rodionov M., Schönig H. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut: Ergon Verlag GmbH, 2011. (Beiruter Texte und Studien. Bd. 130). 351 p.
- Sowayan S. Nabaṭī Poetry: The Oral Poetry of Arabia. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 234 p.

Максим Василенко

Speak, Cultural Memory: A Review of Mikhail Rodionov, *Cultural Memory and Metered Speech in Southern Arabia: Ḥaḍramawt*. St Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Press, 2014, 154 pp.

Maxim Vasilenko

Ben-Gurion University of the Negev
Be'er-Sheva, Israel
ms.yosefi@gmail.com

This review discusses a new monograph by Mikhail Rodionov, a Saint Petersburg orientalist who has been studying the anthropology of the Arab world for half a century. He has dedicated the last thirty years to Yemen and poetry in its local dialects. The review explains the significance of the book for Arabic studies and for the methodology of the study of cultural memory. It defines the place of the monograph among the other works by the author and other contemporary studies on tribal Arabic poetry.

Keywords: Tribal poetry, Yemen, Arab culture.

References

- Assman J., *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 332 pp.
- Bailey C., *Bedouin Poetry from Sinai and the Negev: Mirror of a Culture*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 496 pp.
- Bailey C., Banai P.-D., *Qesem Nāqōt* [The Magic of Camel-Mares]. Tel-Aviv: Ha-Kibbutz ha-Meukhad, 1993, 130 pp. (In Hebrew).
- Caton S., *“Peaks of Yemen I Summon”: Poetry as Cultural Practice in a North Yemeni Tribe*. Berkley; Los-Angeles; Oxford: University of California Press, 1990, 355 pp.

- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary of Philosophy], Ilichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. (eds.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, 840 pp. (In Russian).
- Holes C., Abu-Athera S. S., *Ya Kundalizza Rays!: Politics and Poetry in Contemporary Bedouin Society*. London: Ithaca Press, 2009, 351 pp.
- Krachkovsky I. Y., 'Ash-Shanfara. Pesn pustyni' [Al-Shanfarā. The Desert Song], Krachkovsky I. Y., *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1956, vol. 2, pp. 238–45. (In Russian).
- Kurpershoek M. P., *Oral Poetry and Narratives from Central Arabia*. Leiden: Brill, 1994, vol. 1: *The Poetry of ad-Dindan: A Bedouin Bard in Southern Najd*, 368 pp.
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A., 'O semioticheskom mekhanizme kultury' [On the Semiotic Mechanism of Culture], Y. M. Lotman, *Izbrannye stati* [Selected Articles]. Tallinn: Alexandra, 1993, vol. 3: *Stati po istorii russkoy kultury. Teoriya i semiotika drugikh iskusstv. Mekhanizmy kultury. Melkie zametki* [Articles on the History of Russian Culture. Theory and Semiotics of Other Arts. Mechanisms of Culture. Minor Notes], pp. 326–44. (In Russian).
- Miller F., *The Moral Resonance of Arab Media: Audio-cassette Poetry and Culture in Yemen*. Cambridge, MA: Harvard University Center for Middle Eastern Studies, 2007, (Harvard Middle Eastern Monographs, vol. 38), 512 pp.
- Propp V. Y., 'Spetsifika folklorā' [The Specifics of Folklore], *Folklor i deystvitel'nost. Izbrannye stati* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 16–45. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Mesto maronitov v sovremennom livanskom obshchestve' [The Place of the Maronites in the Modern Lebanese Society], *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR* [The Proceedings of the Yearly Session of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad: Nauka, 1972, pp. 47–48. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Iz istorii formirovaniya etnokonfessionalnoy struktury naseleniya Livana' [From the History of the Formation of the Ethno-confessional Structure of the Lebanese Population], *Sovetskaya etnografiya*, 1973, vol. 4, pp. 25–37. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Evolutsiya obshchinogo samosoznaniya maronitov Livana' [Evolution of the Communal Consciousness of the Maronites in Lebanon], *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy Sessii Instituta etnografii AN SSSR, 1972–1973* [The Proceedings of the Yearly Session of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, 1972–1973]. Leningrad: Nauka, 1974a, pp. 74–76. (in Russian).
- Rodionov M. A., 'Ortokuzennyy brak u maronitov' [Ortho-cousin Marriage of the Maronites], *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy Sessii Instituta etnografii AN SSSR, 1972–1973* [The Proceedings of the Yearly Session of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, 1972–1973]. Leningrad: Nauka, 1974b, pp. 147–49. (In Russian).

- Rodionov M. A., 'Maronity v livanskom obshchestve' [Maronites in the Lebanese Society], *Racy i narody*, 1975, vol. 5, pp. 289–301. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Poeticheskoe slovo v traditsionnoy kulture Khadramauta' [Poetic Word in the Traditional Culture of Ḥaḍramawt], *Vsesoyuznaya konferentsiya po problemam arabskoy kultury pamyati I. Yu. Krachkovskogo: Tezisy* [The All-Union Conference on Arabic Culture in Memory of I. Yu. Krachkovsky: Abstracts]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 47–48. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Poeticheskoe slovo: materialy iz Zapadnogo Khadramauta' [Poetic Word: Materials from Western Ḥaḍramawt], Belova A. G., Dolinina A. A., Landa R. G., Prozorov S. M., Smilyanskaya I. M., Khalidov A. B. (eds.), *Problemy arabskoy kultury* [Issues in Arabic Culture]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 82–96. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Muruvva, asabiya, din: k interpretatsii blizhnévostochnogo etiketa' [Muruwva, 'Aṣābiyya, Dīn: An Interpretation of Etiquette in the Middle East], A. K. Bajburin, A. M. Reshetov (eds.), *Etiket u narodov Peredney Azii* [Etiquette of West Asian Peoples]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 60–68. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'The Ibex Hunt Ceremony in Hadramawt Today', Bidwell R. L., Smith G. Rex, Smart J. R. (eds.), *New Arabian Studies*. London: University of Exeter Press, 1994, vol. 2, pp. 123–29.
- Rodionov M. A., *Etnografiya Zapadnogo Khadramauta. Obshchee i osobennoe v etnicheskoy kulture* [The Ethnography of the Western Ḥaḍramawt. The Common and the Local in Ethnic Culture]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994, 234 pp. (In Russian).
- Rodionov M. A., 'Poet v sisteme vlastnykh otnosheniy: polevoy material iz Khadramauta (Yemen)' [The Poet in the System of Power Relations: Field Data from Ḥaḍramawt (Yemen)], Bocharov V. V. (ed.), *Etnicheskie aspekty vlasti: Sb. statey* [Ethnic Aspects of Power: Collection of Articles]. St Petersburg: Language Center of the Philological Faculty of the St Petersburg State University, 1995, pp. 123–37. (In Russian).
- Rodionov M. A., *The Western Hadramawt: Ethnographic field research, 1983–91*. Halle (Saale): Orientwissenschaftliches Zentrum, 2007, (Orientwissenschaftliches Heft. Orientwissenschaftliches Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Hft. 24), 307 pp.
- Rodionov M. A., *Demony slov na krayu Aravii. Obshchestvo i stikhotvorstvo Khadramauta* [Demons of Words at the Edge of Arabia. Society and Versification in Ḥaḍramawt]. St Petersburg: Nauka, 2009, (Kunst-kamera Petropolitana), 146 pp. (In Russian).
- Rodionov M. A., Schönig H., *The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans*. Beirut: Ergon Verlag GmbH, 2011, (Beiruter Texte und Studien, Bd. 130), 351 pp.
- Rodionov M. A., 'Osnovy araviyskogo universuma' [The Fundamentals of the Arabian Universe], Y. K. Chistov (ed.), *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2014 godu* [Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the

Museum of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in 2014]. St Petersburg: Museum of Ethnography and Anthropology Press, 2015, pp. 53–57. (In Russian).

Souvorov M. N., *Al-‘Urr i Samar chestvuyut gostey. Prazdnichnaya poeziya iz Yafi (Yemen)* [Al-‘Urr and Samar are Honoring the Guests. Festival Poetry from Yafi (Yemen)]. St Petersburg: The Foundation of Oriental Cultures, 2003, 243 pp. (In Russian).

Sowayan S., *Nabaī Poetry: The Oral Poetry of Arabia*. Berkley, CA: University of California Press, 1985, 234 pp.